

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ

Россия как светское государство: религиозные объединения в секулярном обществе

В.Н. ЛЕКСИН

В предыдущей статье автора [Лексин 2008] рассматривались некоторые стороны сосуществования верующих и неверующих в повседневной жизни: за пределами храмовых стен и церковных оград. При этом коллизии такого существования анализировались в контексте бытия «другого», каким по определению должен стать человек, интуитивно или сознательно избравший путь веры, осознающий себя с этого момента «другим», начинающий жить по-другому, и именно поэтому воспринимаемый в качестве «другого» неверующими родственниками, друзьями и сослуживцами.

В предлагаемой читателю статье тема «других» продолжается, но на этот раз анализируются взаимоотношения не отдельных верующих с их окружением, а религиозных объединений¹ со светским государством, каким с принятием Конституции 1993 г. объявила себя Россия. Эта проблема может исследоваться в политическом, социальном, демографическом, финансовом, имущественном и иных аспектах, однако в настоящей статье рассматриваются только два наиболее дискуссионных сюжета: 1) светское государство и Церковь (отношение государства к религиозным объединениям) и 2) Церковь и светское государство (отношение Церкви к светскому государству). Поскольку (как и в предыдущей статье) основное внимание среди религиозных объединений России уделено Православной Церкви, слово «церковь» будет использоваться для обозначения и религии, и религиозных объединений как таковых.

---

¹ Понятие «религиозные объединения» – наиболее широкое из нескольких определений организационно-правовых институтов религиозной жизни в современной России (ст. 6, 7, 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятого в сентябре 1997 г. и с тех пор значительно обновленного; здесь и далее применительно к этому и другим упоминаемым в тексте законам используются версии на 1 июня 2007 г.). Религиозным объединением признается добровольное объединение граждан России и иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории страны, образованное в целях совместного исповедования и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками: вероисповедания, совершения богослужений, других религиозных обрядов, церемоний, обучения религии и религиозного воспитания своих последователей. Религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп (действующих без государственной регистрации и приобретения юридического лица) и религиозных организаций, которые регистрируются в установленном порядке в качестве юридического лица. В настоящей статье, если не требуется особое уточнение, используется понятие «религиозное объединение».

1. Светское государство и церковь

1.1. Светское государство: исходная неопределенность

Существует неопределенность конституционных самоназваний России как государства («федеративное», «социальное» и др.); определение «светское», пожалуй, самое размытое из них и в связи с этим провоцирующее множество недоразумений в отношении к вере и к верующим и государства, и общества, и отдельных граждан. Известный призыв «определяйте слова!» в этом случае звучит особенно актуально, в связи с многозначностью не только светскости, но и ее главных составляющих: секуляризма, толерантности, свободы совести. Сразу отмечу, что и первое, и второе, и третье в современной России наличествует не меньше, чем, например, в Германии или Великобритании.

Что означают слова «секулярное», «секуляризация», «секуляризм»?

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1894 г.) можно прочесть: «В средние века лат. слово «*Saeculum*» (век) получило значение мира и мирской жизни, в противоположность церкви, духовным предметам. Отсюда – *saecularis* – мирской, светский. Словом «секуляризация» каноническое право стало обозначать переход лица или вещи из духовного состояния в светское, если только лишение духовного сана не было наказанием (деградацией). Секуляризация вещи состояла в утрате ею всех свойств церковного имущества и переходе в светские руки». Так понимаемую секуляризацию поддерживали и правители государств, нуждавшиеся в средствах управления (например, Екатерина II), и видные церковные деятели (например, Франциск Ассизский, Нил Сорский). Однако в современном языке *секуляризация* чаще всего означает отторжение всего, официально связанного с любой традиционной религией (не с микросектами и не с оккультными играми интеллектуалов), а именно с религией, доминирующей в обществе. Секулярное мировоззрение стало сложнейшим конгломератом философских и бытовых представлений о пользе освобождения от всего метафизического, от всего сковывающего свободу (творчества, бизнеса, поведения и т. п.). Секуляризм стал системой ценностей западного мира, в которой религии, в принципе, не остается места, кроме как в стенах молелен (церквей, мечетей, синагог)². И это произошло только потому, что ценности традиционных религий стали затруднять жизнь человека в обществе, где все более утверждались нормы межличностной конкуренции и скорейшего успеха.

В «замечаниях к диалогу Хабермаса и Ратцингера» Г. Гутнер пишет [*Хабермас, Ратцингер* 2006, с. 14]: «Процесс секуляризации имеет неумолимую логику. Он идет до конца, и этот конец – «смерть Бога». Если секуляризация (или избавление) начинается с отчуждения от церкви того, что ей заведомо чуждо, то кончается она обескураживающим открытием: в человеческой жизни нет вообще ничего, что по праву принадлежит церкви. Это значит, что и Богу также ничего не принадлежит. Все, что приписывалось Ему, нашло иного – настоящего – владельца. Да и сам Бог, в конечном счете, оказывается иллюзией, создан-

---

² Убедительная версия истории и, главное, смысла секуляризма дана в публикации современного историка [*Багдасарян* 2007].

ной ради сакральной легитимизации человеческих ценностей». В последнее время появился термин «постсекулярное общество» [Eder 2002, с. 332–343], который немедленно вошел в лексикон многих известных философов и социологов как обозначение ситуации, когда «религия утверждается в секулярной среде... и общество вынуждено... считаться с сохранением религиозных сообществ» [Хабермас, Ратцингер 2007, с. 69]. Характеризуя эту ситуацию, Юрген Хабермас пишет: «Мировоззренческая нейтральность государственной власти, гарантирующей равные этические свободы каждому гражданину, несовместима с политическим распространением секуляристского мировоззрения на всех людей. Нерелигиозные граждане, поскольку они выступают в роли граждан государства, не должны принципиально отказывать религиозному видению мира в *потенциале истинности* (выделено мною. – В. Л.) и не должны отнимать у верующих сограждан права вносить с помощью религиозных понятий свой вклад в общественную дискуссию. Более того, либеральная политическая культура вправе ожидать от нерелигиозных граждан, что они будут прилагать усилия к «переводу» важных для общества религиозных понятий с религиозного языка на общедоступный» [Хабермас, Ратцингер 2007, с. 75].

Одним из оснований современного светского общества является толерантность – понятие содержательно двусмысленное. С одной стороны, толерантность – терпение другого, снисходительность, своего рода смирение (лат. *tolerans* – «терпеливо переносящий»). С другой – толерантность в науках о живых организмах означает снижение их защитных функций, разрушение иммунитета, утрату способности к выработке защитных антител. В социальных системах толерантность – это одновременно и обеспечение бесконфликтности их существования («никакая идеология не может быть обязательной!»), и снижение мировоззренческого иммунитета к деструктивным воздействиям.

О том, что такое свобода совести, слышали все мало-мальски образованные люди. В основании светского государства свобода совести – воистину краеугольный камень, и важно, чтобы смысл этого понятия не расширялся и не извращался. Думаю, что ни одно понятие (за исключением, может быть, «демократии») не было в новейшей истории предметом для сомнительных спекуляций так часто, как «свобода совести», и если бы пресловутая дорога в ад была вымощена словами, то на каждом втором ее камне было бы высечено «свобода совести».

К сожалению, ни в одном нашем законе нет строгого юридического толкования понятия «свобода совести», и в связи с этим возникает необходимость договориться об однозначном толковании этого словосочетания хотя бы на текстовом пространстве настоящей статьи. Условимся считать свободой совести совокупность прав: (а) на выбор любого мировоззрения (религиозного, индифферентного к религии, атеистического); (б) на связанные с этим мировоззрением действия (отправление культа, пропаганда и т. д.); (в) на полную независимость *объема* остальных прав человека от его мировоззрения и от связанных с ним действий. Тогда свободу вероисповедания можно считать той частью свободы совести, которая связана с выбором и реализацией только религиозного мировоззрения.

Первым нормативным актом, реализующим принцип свободы совести, стал Закон РСФСР (1990 г.) «О свободе вероисповеданий», который практически освободил от регламентации (прежде всего от регистрации) деятельность любых организаций, называвших себя религиозными, – и отечественных, и зарубежных. Характеризуя результаты этой либеральной акции, Л.Н. Митрохин пишет: «Россия сразу же превращается в вожделенное Эльдorado, куда со всего света устремляются потоки зарубежных миссионеров, новоявленных “пророков”, “мессий”, “спасителей” с изрядной долей авантюристов и проходимцев» [Митрохин 2002, с. 54–55].

Естественно, что такая ситуация была негативно оценена различными слоями российского общества, политиками, специалистами по проблемам религии в современном обществе и священнослужителями разных вероисповеданий. Ситуацию должен был скорректировать Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», но он сам стал предметом критики, в основном, в связи с появлением в этом законе норм и условий регистрации религиозных объединений и указанием в преамбуле закона на ряд религий, наиболее значимых для истории России³.

1.2. Светское государство «в законе»

Конституция РФ утверждает: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ч. 1 ст. 14). Применительно же к каждому гражданину страны действуют нормы свободы совести, т. е. (в упрощенном смысле) права исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. При этом в России (как и во всех странах, имеющих признаки светскости) светское не означает нерелигиозное, а нерелигиозное не означает атеистическое. Многажды муссируемое СМИ отделение Церкви от государства (в ст. 14 Конституции РФ сказано: «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом») также не означает, что Церковь должна уйти в храмовое подполье; просто институты Церкви не подменяют государственные и наоборот⁴.

Существуют ли общепризнанные в среде *профессионалов-юристов* признаки светскости государства? Конечно. И при различающихся объемах аргумен-

³ По этому поводу были неоднократные обращения граждан в Конституционный суд РФ и постановления этого суда, поддерживающие положения федерального закона. Мое отношение к этим вопросам отражено в тексте п. 1.4.

⁴ Приведу наивную и пригодную только для пояснения параллель. Все граждане России живут, учатся, женятся, воспитывают и учат детей, лечатся, болеют и умирают в городах и селах, где обустройством всех сторон местной жизни занимается местная власть, органы местного самоуправления, *не входящие* по Конституции РФ в систему государственных органов управления. Еще более отстранены от государства территориальные органы самоуправления (те же товарищества собственников жилья). Наверное, можно сказать и так: «местное самоуправление отделено от государства»; можно – но только в пылу спора. Так что «отделение» – просто синоним самостоятельности, независимости друг от друга в пределах исполнительной компетенции каждого. При этом органы местного самоуправления заняты исключительно выполнением социальных и иных обязательств *государства* перед гражданами. Государство финансирует эти органы и т.д. Пример, повторю, не бесспорный, но наглядно показывающий, что отделение чего-либо от государства не означает полного «расторжения брака».

тации суждения по этому вопросу отечественных и зарубежных специалистов весьма близки. Чтобы не перегружать текст прямым цитированием⁵, постараюсь кратко суммировать *правовую суть* семи выделенных мною главных признаков «светскости».

1. Светскость есть характеристика исторического этапа существования государства после длительного периода либо государственной поддержки какой-либо религии, либо административного диктата государства по отношению ко всем делам церкви, либо прямого участия церкви в государственных делах. На этом этапе государство *освобождается* от идеологического диктата церкви, а церковь – от административного диктата государства. Происходит своего рода «разгосударствление» религиозной жизни.

2. Светское государство не отрицает (тем более не устраняет) религиозную жизнь, и не препятствует ее воплощению в соответствующие объединения и институты. Светское государство *в равной степени* признает и веру, и неверие, не допуская в структуре государственных идеологий главенства одного из них.

3. Деятельность религиозных объединений вне сферы внутрицерковной деятельности (например, порядка церковного управления, подготовки и направления к местам служения священников, распорядка и проведения богослужений и т. д.) регламентируется общегосударственными и региональными законами. Каноническое право непосредственно не является ни источником, ни составной частью государственных законов.

4. Религиозные объединения и партии участвуют в политической жизни светского государства в пределах, устанавливаемых законами. Религиозные объединения не входят в систему органов государственного управления. Государственная и муниципальная служба не осуществляется священниками и другими клириками.

5. Светское государство может оказывать бюджетную или иную материальную поддержку религиозным объединениям [Государственное право... 1996]⁶, выполняющим общепризнанные социальные функции. Религиозные иерархи и клирики могут участвовать в государственных церемониях только в качестве представителей объединений верующих.

---

⁵ При формировании облика светскости Российского государства я основывался на нормах российского законодательства и на соответствующих трудах ученых и практикующих юристов, осознавая при этом, что вполне вероятные недостатки предлагаемой сводной компиляции никак не связаны с качеством первоисточников и должны быть полностью отнесены на мой счет. Была предпринята попытка соединить, как правило, непротиворечивые суждения [Авакьян 1999; Варьяс 2001; Володина 2003; Дозорцев 1998, 1999; Дурэм 1999; Куницын 2000; Лупарев 2002; Стецкевич 2006; Понкин 2003; Придворов и Тихонова 2007; Пчелинцев 2006; Телушкин 1999; Религиозные объединения... 2006].

⁶ Эта позиция не разделяется отдельными исследователями [Дозорцев 1998, с. 136—138], но поддерживается не только мнениями большинства авторитетных исследователей, но и самой практикой взаимоотношения государства и церкви во вполне светских зарубежных государствах (см. п. 1.3 и 1.4 настоящей статьи). Добавлю к этому, что Российская Православная Церковь – единственная из всех религиозных организаций России, не получающая финансовой и материальной помощи из-за рубежа.

6. Светское государство признает право религиозных объединений на собственность, – не только на предметы культа, но и на здания, сооружения, землю, объекты хозяйственного и социального назначения.

7. Светское государство, как правило⁷, устанавливает равенство легитимных религиозных объединений перед законом и не выделяет в своих отношениях к этим организациям какую-либо одну из них.

1.3. Что представляет собой отделение религиозных объединений от государства

«Отделение» – термин чрезмерно пластичный, смысл которого в зависимости от множества обстоятельств в разных странах трактуется по-разному, но чаще всего на основе все тех же признаков «светскости». В России об отделении обычно вспоминают в связи со строительством новых храмов («Откуда у них деньги? Не иначе как бюджетные») или в связи с очередным появлением VIP-персон в храмах, а священнослужителей – на официальных приемах.

Отношение к вопросу об «отделении» в светских кругах современной России поразительно напоминает времена, когда в сердцах воинствующих атеистов хрущевского призыва еще теплилась надежда увидеть на экране телевизора «последнего попа». В свое время такие высказывания были абсолютно адекватными идеологии советского государства. В современном подходе к вопросу об отделении ключевым словом становится «взаимоотношение».

Ранее я попытался составить перечень основных признаков «светскости» государства, сейчас же приведу перечень признаков отделенности от него религиозных объединений и возникающих при этом поводов для их взаимоотношений и взаимодействия.

1. Религиозные объединения (их институты) *не входят* в структуры органов власти, но вполне *могут* взаимодействовать с ними по поводу совместных общественно значимых акций, участия в соответствующих программах и проектах; ничто не препятствует и оформлению такого сотрудничества в виде меморандумов, соглашений и т. д.

2. Государственные и местные органы власти *не финансируют* богослужебную деятельность религиозных объединений⁸, но вполне могут *софинансировать* восстановление (реставрацию) культовых зданий и сооружений, являющихся памятниками культуры и истории, а также любые другие виды деятельности религиозных объединений, направленные на содействие органам власти в проведении ими социальной, просветительской, образовательной и иных политик⁹.

⁷ Многие государства, имеющие все признаки светскости (Дания, Ирландия, Израиль и др.), допускают официальные преференции по отношению к некоторым религиям.

⁸ Такое финансирование не предусмотрено в принятой в России бюджетной классификации расходов и не входит в число расходных обязательств ни одного уровня власти.

⁹ Есть и парадоксы в финансовых отношениях государства и религиозных объединений. Так, в Мьянме (Бирме), где более 80% населения относит себя к буддистам (Тхеравада) и традиционно высок авторитет монастырей и монахов, последние осенью 2007 г. даже пригрозили властям «перевернуть чашу подаяния вверх дном» (отказаться от финансовой поддержки), а невозможность подаяния лишает правителей легитимности.

3. Государство и органы местного самоуправления *не включают* религиозные обряды (например, молебны, отпевания, панихиды) в состав организуемых или официальных церемоний, но ничто *не препятствует* проведению обрядов в качестве сопутствующего компонента таких церемоний (до, после, параллельно с ними).

4. Религиозным объединениям *не может быть* делегировано исполнение государственных и муниципальных полномочий, но эти объединения вполне *могут* заключать договора и соглашения с органами государственной и местной власти, исполняющими эти полномочия, по их предмету (например, по передаче в собственность зданий, по аренде или передаче в собственность земельных участков, по поддержке заключенных).

5. Государственные и местные органы власти *самостоятельно* принимают решения по кругу их полномочий, но религиозные объединения *имеют право* высказывать и распространять свои суждения по каждому конкретному решению, контролировать их выполнение (не только по вопросам собственно религиозной деятельности), обращаться по этому поводу в соответствующие инстанции, действуя в данном случае как официальный институт гражданского общества.

6. Государство *самостоятельно и вне контекста религиозных систем права* принимает обязательные для исполнения религиозными объединениями законы, регламентирующие деятельность последних, но при подготовке соответствующих законопроектов учитывает специфику отдельных религиозных объединений, их историю, традиционность на территории России. Для этих целей осуществляется самое тесное сотрудничество с религиозными объединениями как с членами экспертного сообщества.

7. Религиозные объединения *самостоятельно и независимо* от государственных и местных властей проводят различные публичные мероприятия (конференции, соборы), но участие в их работе представителей государственной и местной власти этими объединениями только *приветствуется*.

Как видим, отделение – не отторжение и не игнорирование государством чего-то чуждого, а признание его независимым и уже поэтому паритетным участником взаимоотношений. И не случайно еще в 1994 г. при Правительстве РФ была создана Комиссия по вопросам религиозных объединений, в 1995 г. было подписано распоряжение Президента РФ о его взаимодействии с религиозными организациями, а в Государственной Думе всех созывов и в Совете Федерации формируются соответствующие профильные комитеты. Аналогичные комиссии, советы и административные подразделения есть в органах власти всех субъектов РФ и крупных муниципальных образований. Поэтому только идеологически зашоренные публицисты могут до сих пор негодовать, описывая очередную встречу представителей власти и религиозных объединений («ведь они отделены друг от друга!»), участие религиозных лидеров в организуемых государством общественных мероприятиях. Следует добавить, что в других светских (или близких к этому) государствах мира взаимодействие с религиозными организациями – норма.

1.4. Равенство перед законом, неравенство в общественном признании

Многоконфессиональность, так же как и многонациональность (полиэтничность), – родовое качество России, и при упоминании об этом сразу же вспоминают православие, ислам, буддизм и относительно недавно (пару столетий назад) появившийся на территории страны и активно эмигрировавший в конце прошлого века иудаизм. В действительности же картина религиозной жизни нашей страны пестрая, так как в ней существуют и уживаются множество религиозных конфессий. По данным аналитической службы Совета Федерации [О составе... 2005], на начало 2004 г. в России насчитывалось 21,6 тыс. зарегистрированных религиозных организаций, принадлежащих к 68 (!) религиозным течениям. По числу этих организаций лидирует Русская Православная Церковь (53% от их общего числа, или 10,8 тыс. приходов). Кроме этого к православию относят себя Русская Православная Автономная Церковь (36 приходов), Русская Православная Церковь за границей (41 приход, зарегистрированный в России), Истинно-Православная Церковь (19 приходов) и ряд других. Зарегистрированы также Русская Православная Старообрядческая Церковь (146 приходов), Древлеправославная Церковь (74 прихода), Поморская Церковь (42 прихода) и три других согласия (5 приходов); всего 267 старообрядческих приходов. Протестанты всех разновидностей представлены 4,7 тыс. общин (23% от общего числа религиозных организаций). Ислам в России занимает второе после христианства место по числу верующих и третье по количеству зарегистрированных общин – после православия и протестантизма – 3,4 тыс. общин (17% от общего числа религиозных организаций России). А есть еще общины сикхов, зороастрийцев, «толстовцев» (последователей «Духовного Единства»), рериховцев, караимов, приверженцев даосизма, «Вера Бахай» и другие.

Конституция РФ недвусмысленно декларирует: «религиозные объединения равны перед законом» (ч. 2, ст. 14). Нужно научиться читать даже в неурядившихся законах только то, что там написано: «*перед законом*».

То есть, каковы бы ни были религиозные объединения по конфессиональной принадлежности, численности их членов, распространенности по территории России, имущественному положению и другим характеристикам, они должны быть зарегистрированы по одинаковой процедуре и их деятельность должна регулироваться одними и теми же общероссийскими законами. И – только, поскольку реальное влияние на жизнь России обуславливает фактическое неравенство религий, исторически образованное естественным образом, и юридическим их равенством не нивелируется; и народ России – носитель суверенитета и единственный источник власти на территории нашей страны (Конституция РФ, ч. 1, ст. 3) вправе самостоятельно определять свои религиозные приоритеты.

Государственное признание главенствующей религией ислама наиболее характерно для стран мусульманского мира. И это действительно так: ислам является государственно признанной религией в Сирии (по конституции этой страны, президент должен исповедовать только ислам, а законодательство страны должно основываться на исламском праве), Объединенных Арабских Эмиратов, Пакистана (в этой исламской республике ряд законов ориентирует на мусульманский образ жизни), Малайзии (по конституции, ислам – религия феде-

рации), Индонезии (в преамбуле конституции упоминается имя Аллаха, а далее определено, что государство основывается на вере в единого Бога), Ираке, Иране, Иордании (по конституции, ислам является религией государства), Йемене, Мавритании, Кувейте и ряде других стран. То же (в открытой или неявной форме) характерно и для буддизма и индуизма в Таиланде, Мьянме, Лаосе, Непале, Монголии¹⁰.

Благожелательно относятся к традиционным религиям и многие европейские государства с христианскими устоями. Например, законодательство Бельгии «признает теоретическое равенство между всеми религиями, но в стране существует дифференцированное отношение к различным религиозным объединениям. Католицизм, протестантизм, иудаизм, англиканство, ислам и православие (Православная Церковь Вселенского патриархата и Русская Православная Церковь) пользуются официальным признанием, основанием для которого считается социальная ценность религии в служении народу. Служители культа этих религий получают зарплату из государственного бюджета, а сами конфессии имеют право запрашивать государственные субсидии для строительства и реставрации культовых зданий, право на получение определенного времени радио- и телевизионного эфира, право назначать армейских и тюремных капелланов (чья деятельность оплачивается государством), право на возмещение местными органами власти расходов церковной администрации. Римская католическая церковь не имеет законодательно оформленного особо привилегированного статуса среди шести вышеупомянутых деноминаций, однако фактически она «первая среди равных» [Лонкин 2003, с. 104–105].

Аналогичные тенденции наблюдаются и в традиционно католических странах. Так, в Аргентине «Федеральное Правительство поддерживает римско-католическую апостольскую религию» (Конституция Аргентины, ст. 2). Государство поддерживает римско-католическую церковь и в ряде других стран Латинской Америки. Например, в Боливии «государство признает и поддерживает римско-католическую апостольскую церковь, гарантируя при этом публичное отправление всякого другого религиозного культа» (Политическая Конституция Боливии, ст. 3). В Коста-Рике «католическая апостольская римская религия является религией государства, которое содействует ее поддержанию, не препятствуя свободному отпавлению в республике других культов, не противоречащих общей морали и добрым нравам» (Политическая Конституция Республики Коста-Рики, ст. 76).

---

¹⁰ Пиетет к исламу и к религии вообще в странах, которые принято считать мусульманскими, не стоит преувеличивать, особенно если эти страны находятся на постсоветском пространстве. Регулятивно-репрессивное отношение к верующим отразилось в 2007 г. в Таджикистане в соответствующем законопроекте. В нем вводятся квоты на число культовых сооружений в зависимости от числа жителей населенных пунктов: одна мечеть в селе с населением от 200 до 2000 человек, одна пятничная мечеть на 20 тыс. сельских и 30 тыс. городских жителей (в Душанбе – на 60 тыс. жителей). Самые большие ограничения введены для неисламских верующих: если для открытия мечети достаточно 200 человек *жителей*, то для открытия, например, православной, протестантской или католической церкви – 200 *подписей* верующих. Предполагается строжайше запретить миссионерство и прозелитство (по примеру Узбекистана). Уже с середины 2007 г. школьники не должны носить во время занятий хиджаб.

Разумеется, ничего подобного (по крайней мере, по отношению к православию и исламу) в России нет. Ни Конституция РФ, ни федеральные законы не содержат никаких подтверждений *особых* отношений государства с какими-либо религиозными организациями. В результате традиционные для России религии если и поддерживаются российским законодательством, то в форме абсолютно частных, ситуативных решений: например, законодательно установлены возможность замены воинской службы на альтернативную в связи с религиозными убеждениями призывников (Конституция РФ, ст. 59), освобождение священников от допроса в качестве свидетеля по делам, обстоятельства которых они могли узнать во время исповеди подозреваемого, а также освобождение священников от ответственности за недонесение о таких обстоятельствах (ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ и ст. 307–308 Уголовного кодекса РФ).

Те, кто не признает особой значимости для нашей страны православия и ислама, обычно ссылаются на преамбулу Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», в которой говорится: «Федеральное Собрание Российской Федерации, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России... принимает этот закон». Но в этом законе – ни слова о современном месте великих религий в жизни российских людей, о том, что такое для России христианство и ислам. Ревнителю же «светскости» России усматривают в данном документе официальное заявление об особой роли православия по сравнению с другими традиционными для страны религиями. На самом деле речь идет, с одной стороны, об очевидном (вряд ли кто будет оспаривать исключительную роль православия или ислама в нашей истории) и, с другой, – о возможности любой секты или общины (вроде церкви «преподобного Муна») причислять себя к творцам «исторического наследия народов России».

Защита от тоталитарных, квазирелигиозных и иных сект нужна не представителям традиционных религий, а российскому обществу как таковому. Представители традиционных религий сетуют не на трудности вероисповедной деятельности и не на отсутствие государственного внимания, а на слабую религиозную идентификацию населения. Эта проблема была предметом обсуждения на московском Саммите религиозных лидеров (июль 2006 г.), и вот характерное суждение главы Федерации еврейских общин России Берл Лазара: «Такого расцвета никогда не было – ни сто, ни двести, ни триста лет назад. Сегодня синагог строится больше, чем до революции... Еврейская община России – самая активно растущая и развивающаяся община в мире: еврейские общины есть сегодня в двухстах городах России... Когда мы создавали общины, казалось, что они начнут работать через десять-двадцать лет, однако уже через полгода там не хватало места для всех желающих». Но тут же Берл Лазар добавляет: «Самой большой проблемой для общин является незнание еврейских ценностей и традиций. «Идея еврейства» и самоощущения себя, как еврея. для многих, в чьих жилах течет еврейская кровь, не является доминирующей... это половина евреев, они даже раз в год не ходят в синагогу, не покупают мацу... и для нас сего-

дня очень важно восстановить связь с ними. Иногда старшее поколение и приходит в синагогу, но чаще это дети или даже внуки их приводят» [Синагога... 2006].

Отсутствие в российском законодательстве указания на бесспорный факт присутствия на территории страны нескольких мировых религий, укорененных в культуру и быт народа, становится почвой для бессмысленных конфликтов и инсинуаций и в конечном счете лишает государство возможности вести полноценный диалог с равновеликими партнерами по множеству общественно значимых (в первую очередь – социальных) вопросов. Это для нашей страны – тот случай, когда опыт и Запада, и Востока мог бы оказаться, бесспорно, полезным.

1.5. Взаимоотношения, взаимодействие, помощь

Невнимание к отечественному и международному праву, игнорирование его норм, а также мировой практики взаимоотношений светского государства и религиозных объединений порождает (чаще всего – сознательно) стандартный набор провокационных вопросов и некомпетентных рассуждений о якобы нарушениях принципов свободы совести и, главное, пресловутого «отделения церкви от государства». Постараюсь кратко ответить на ряд типичных вопросов.

«Почему это попы (раввины, муфтии и другие священнослужители) заседают вместе с правительственными чиновниками: ведь у нас церковь отделена от государства?» Потому, что, во-первых, там, где они «заседают», они имеют на это право; и, во-вторых, к сотрудничеству их призвало государство в лице его высших органов и на основе права. Перед Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ стоит немало задач информационно-аналитического и рекомендательного характера. В состав этого Совета наряду с ответственными работниками Администрации Президента РФ и известными деятелями науки входят иерархи Русской Православной Церкви, Русской Православной Старообрядческой Церкви, Буддийской традиционной сангхи России, Российской епархии Армянской апостольской церкви, Римско-католической архиепархии в Москве, Российского союза пятидесятников, Западно-российского союза адвентистов седьмого дня, а также председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа, председатель Совета муфтиев России, главный раввин России, председатель Центрального духовного управления мусульман России и др. И совместно заседают (сообща работают и принимают ответственные решения) все эти люди потому, что они действуют на основе и в рамках российского права ¹¹.

Напомню, что в число членов первого состава Общественной палаты РФ, действующей на законном основании, входило немало священнослужителей и осенью 2007 г. Президент РФ В.В. Путин подписал указ о продлении полномочий членов этой палаты еще на два года, причем большинство религиозных деятелей – членов Общественной палаты – сохранили свои полномочия.

---

¹¹ Обеспечение взаимодействия Президента РФ с религиозными объединениями является одной из функций Администрации Президента РФ (Указ Президента РФ от 06.04.2004 № 490) и Управления Президента РФ по внутренней политике (Указ Президента РФ от 21.06.2004 № 791).

Правительство РФ также выстраивает взаимоотношения с церковью на законном основании (ст. 16 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» от 17.12.97 № 2-ФКЗ): оно должно взаимодействовать с религиозными организациями. Для рассмотрения многих вопросов (в том числе имущественных) при Правительстве РФ создана Комиссия по вопросам религиозных объединений (Постановление Правительства РФ от 09.07.94 № 819 с последующими изменениями и дополнениями) с широкими координационными, методическими, информационными и организационными функциями. В состав этой комиссии также входят священнослужители.

«Почему налоги, собранные с нас – атеистов, идут на восстановление церквей и мечетей – ведь церковь отделена от Государства?» Потому что, в соответствии с неоднократно цитировавшимся Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 4.3), «государство регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры». А Указом Президента РФ «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» (от 14.03.96 № 378) особо (п. 3) поручено «Правительству РФ, другим федеральным органам государственной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления оказывать помощь верующим в восстановлении культовых зданий, возврате имущества, изъятого из церквей, мечетей, синагог, других культовых учреждений» (выделено мною. – В. Л.).

Эти позиции конкретизирует региональное законодательство. Так, в соответствии с федеральным законодательством, Закон города Москвы «О налоге на имущество организаций» (от 05.11.2003 № 64 с последующими изменениями и дополнениями) освобождает от налогообложения «религиозные организации, зарегистрированные в установленном порядке, – в отношении имущества, используемого ими для осуществления церковной деятельности» (п. 1.13, ст. 4).

«Почему в России, где столько неверующих и атеистов, установили общегосударственный религиозный праздник Рождества и сделали его нерабочим днем; ведь церковь отделена от государства?» Потому что в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях» (ст. 6.7) сказано: «по просьбам религиозных организаций соответствующие органы государственной власти в Российской Федерации вправе объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях». Поэтому органы государственной власти «в центре и на местах» установили празднование Рождества Христова нерабочим днем (в отличие от Пасхи, этот праздник может прийти на любой день недели), а в субъектах РФ с большим числом мусульманского населения установлены праздничные (нерабочие) дни мусульманского календаря. То есть все – по закону.

«Зачем в нашу больницу приходит священник? И без него тошно!» Потому что в ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» сказано, что «религиозные организации вправе проводить религиозные обряды в лечебно-профилактических и больничных учреждениях, детских до-

мах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, по просьбам находящихся в них граждан в помещениях, специально выделяемых администрацией для этих целей».

«Почему государство защищает от антирелигиозных действий церковь, которая отделена от государства?» Потому, во-первых, что религиозные объединения – такие же институты гражданского общества, как и все остальные; и, во-вторых, к этому обязывает Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», где сказано: «проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания запрещается» (ст. 3.7). Напомню в связи с этим, что участие в обеспечении федеральными и региональными органами власти безопасности религиозных массовых мероприятий входит в число основных задач ФСБ России (Указ Президента РФ от 11.08.03 № 960).

«У нас все после смерти равны¹², а евреи и татары себе отдельные участки на нашем кладбище отгрохали. У нас что, евреи и мусульмане – особые люди?» Все религиозные объединения равны перед законом, но у них различны обряды погребения и по-своему обустриваются места захоронения усопших. К тому же в Федеральном законе «О погребении и похоронном деле» (от 12.01.96 № 8-ФЗ) совершенно оправданно закреплены положения о том, что среди тех, кто вносит «предложения по созданию мест погребения», присутствуют «массовые религиозные объединения, уставы которых предусматривают осуществление религиозных обрядов на кладбищах и создание вероисповедных кладбищ» (п. 1.3, ст. 15). При этом в ст. 19 цитируемого закона указывается, что «вероисповедные кладбища предназначены для погребения умерших одной веры» и что «порядок деятельности вероисповедных кладбищ определяется органами местного самоуправления по согласованию с соответствующими религиозными объединениями», а «деятельность вероисповедных кладбищ на территориях сельских поселений может осуществляться гражданами самостоятельно».

На многие вопросы, затрагивающие религиозную тему, можно найти ответы в соответствующих законах любого государства. Нашу страну окружают светские государства с законами, по-разному устанавливающими их отношения с религиозными объединениями – в соответствии со своими традициями, историей, культурой вероисповедной жизни.

Так, в Норвегии финансовую помощь от государства получает и государственная Норвежская церковь, и все так называемые «свободные церкви» в зависимости от численности общины [Чернышева, Комаров 1988, с. 144]. Уголовный кодекс ФРГ устанавливает уголовную ответственность за «геноцид религиозной общности», оскорбление вероисповедания, надругательство над могилой. В Израиле государство передало раввинским, шариатским и друзским судам частью исключительную, а частью совместную компетенцию по регулированию семейных отношений, назначению армейских и тюремных капелланов.

¹² Большое заблуждение. Социальное расслоение живущих в России продолжается и на кладбищах: разные по размеру участки, разные по масштабам похороны, разные цветы и надгробия.

В ФРГ религиозное обучение признано обязательным в государственных школах (Конституция ФРГ, ч. 3, ст. 7). В Великобритании архиепископ Кентерберийский является не главой государственной Англиканской церкви, а лишь наместником по церковным делам главы этой церкви – короля или королевы; они назначают (по представлению премьер-министра) архиереев и епископов, а 24 из них имеют постоянные места в парламенте. В Дании король является главой Датской народной церкви (Евангелической лютеранской), ее священники – государственными чиновниками, а сама церковь пользуется всемерной поддержкой государства [Чернышева, Комаров 1988, с. 108–109]. И подобных примеров сколько угодно. Таковы в самом кратком изложении установленные законом основные правила жизни религиозных объединений в светской России. Рассмотрим на примере Русской Православной Церкви, как позиционируют себя в пространстве светского государства сами религиозные объединения.

2. Церковь и светское государство

2.1. Точки над *i*. «Чтобы мир не превратился в ад»

В 2000 г. впервые за всю тысячелетнюю историю отношений Русской Православной Церкви и мира была официально оглашена *общецерковная* (а не отдельных, пусть даже самых известных и авторитетных священников, богословов и светских ученых) позиция по всем вопросам этих отношений, включая самые острые и дискуссионные. Освященный юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 15 августа 2000 г. утвердил «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» [Основы 2000]¹³. И в Определении Собора было сказано, что этот документ, во-первых, излагает «базовые положения ее (Церкви. – В. Л.) учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем»; и, во-вторых, отражает «официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом».

В «Основах» Православная церковь недвусмысленно определила свое отношение к нации и государству, светскому праву и политике, труду и собственности, войне и миру, преступлению и наказанию, личной, семейной и общественной нравственности, здоровью личности и народа, биоэтике и экологии, светской науке, культуре и образованию, светским средствам массовой информации, глобализации и секуляризму. Если государство свое отношение к Церкви закрепило в Конституции, федеральных законах и иных нормативных актах, рассмотренных в первой части этой статьи, то паритетным ответом Церкви стали именно «Основы». Церковь расставила точки над *i* в своей оценке и государства, и его законов.

¹³ «Основы социальной концепции русской Православной Церкви» были впервые опубликованы в 2000 г., а затем переиздавались десятки раз. Далее в тексте и в сносках используется сокращенное наименование «Основы»; отсылки к тексту «Основ» даются не постранично, а с указанием раздела и пункта (например, «Основы», XII.2), как это принято в самом тексте «Основ» и в научных изданиях, цитирующих «Основы». Определение «социальная» дано рассматриваемой концепции не в узком смысле (как это делается, например, в словосочетаниях «социальное жилье» или «социальная политика государства»), а в значении «общественный» (от лат. *socialis* – связанный с жизнью и отношениями людей в обществе).

Сделать это было невероятно трудно из-за того, что само устройство церковной жизни не предполагает единства мнений о целях, формах и действительных проблемах жизни Церкви в миру¹⁴, и если даже догматическое богословие представлено различными версиями его изложения, то объединить мнения всей Церкви по широчайшему кругу проблем современности долгое время не представлялось возможным. И все же это было сделано! Церковь не просто келейно определилась в своих отношениях с современностью, но и сочла необходимым публично заявить об этом, не страшась напоминаний о том, что она «отделена от государства», упреков в том, что нельзя подходить к новейшим фактам нашей жизни с позиций «давно устаревших представлений о ценностях этой жизни» и т.п. Но подобно тому, как семнадцать столетий назад был принят «Символ веры», открыто поведавший то, во что верят все христиане, так восемь лет назад были приняты «Основы», открывшие адептам православия и его критикам то, как православные должны относиться к современной жизни, что поддерживать и что отрицать, что они могут и должны делать в миру¹⁵.

Несомненную пользу публичных заявлений по поводу самых острых проблем современной жизни и собственного участия в их решении демонстрирует католическая церковь, имеющая в этом отношении давний и позитивный опыт. Об этом, в частности, говорится в первой Энциклике Папы Римского Бенедикта XVI: выдающегося богослова нашего времени, книги которого, – еще под именем Йозефа Ратцингера – выпускаются в России и пользуются большой популярностью среди верующих разных конфессий: «Необходимо признать, что иерархия Церкви постепенно осознала, что нужно изменить подход к проблеме справедливой организации общества... Начали появляться различные группы, ассоциации, лиги, федерации и особенно религиозные ордена, учрежденные в XIX в. для борьбы с бедностью, болезнями и нуждой... Столкнувшись с новой общественной ситуацией и новыми проблемами, католическая социальная доктрина постепенно развивалась и недавно нашла свое выражение в «Компендиуме социального учения Католической Церкви», изданном Папским Советом «Iustitia et Pax» («Справедливость и мир») в 2004 г... В сегодняшней сложной ситуации, не в последней степени из-за нарастающих экономических процессов глобализации, социальная доктрина Церкви стала системой основополагающих принципов, которая предлагает верные подходы, применимые далеко за пределами церковной общины: эти подходы – с учетом дальнейшего развития – должны быть предложены в духе диалога со всеми, кто обеспокоен будущим мира, в котором мы живем» [*Deus Caritas est*» 2006, с. 45–47]. В практике Русской Православной Церкви такого «компендиума» до опубликования «Основ» не было.

---

¹⁴ По этому поводу обычно вспоминают напутствие апостола Павла первым христианам: «Надлежит быть и разномыслию между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19), и «Боюся же да не истлеют разумы ваши от простоты яко о Христе» (2 Кор. 11, 3).

¹⁵ После принятия и опубликования «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» появились «Основные положения социальной программы российских мусульман» (2001 г.), «Основы социальной концепции иудаизма в России» (2002 г.) и «Основы социальной концепции Российского объединенного Союза христиан веры евангельской» (2002 г.) Эти концепции имеют значительные содержательные расхождения, анализ которых выходит за рамки настоящей статьи.

«Основы» – это хорошо структурированный текст с различными шрифтовыми выделениями, который стоит прочитать каждому, кто хотел бы узнать представления Церкви о ее месте в нашем мире, не полагаясь на случайные сведения или непрофессиональные интерпретации большинства СМИ. Это так же важно, как и знакомство с тем местом Церкви в нашем государстве, которое ей отвели Конституция и федеральные законы. Поэтому я кратко охарактеризую лишь те положения «Основ», которые трактуют главную тему этой статьи – *Церковь в светском государстве и секулярном обществе*. Отмечу предельную трезвость этих положений: «Задача светского закона не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад» [Основы IV.2].

Церковь последовательно и непримиримо на всем протяжении текста «Основ» дистанцируется от государственной власти. «Миряне, участвующие в государственной или политической деятельности индивидуально или в рамках различных организаций, делают это самостоятельно, не отождествляя свою политическую работу с позицией церковной Полноты или каких-либо канонических церковных учреждений и не выступая от их имени. При этом высшая церковная власть не преподает специального благословения на политическую деятельность мирян» [Основы V.4]. В разделе «Христианская этика и светское право» безальтернативно обозначен предел законопослушания и разномыслия: «Когда же исполнение требования закона... предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин... должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установлений и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения» [Основы IV.9, III.5].

Нужно сказать и о тех областях *взаимодействия* с государством, которое Церковь считает возможными и полезными. Такими «областями соработничества... в нынешний исторический период являются: а) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами; б) забота о сохранении нравственности в обществе; в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ; д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры; е) диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений; ж) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание; з) профилактика правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; и) наука, включая гуманитарные исследования; к) здравоохранение; л) культура и творческая деятельность; м) работа церковных и светских средств массовой информации; н) деятельность по сохранению окружающей среды; о) экономическая деятельность на пользу Церкви, государства и общества; п) поддержка

института семьи, материнства и детства; р) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества и ряд других» [Основы III.8]. Во всех этих направлениях Русская Православная Церковь (так же, как и другие конфессии) де-факто уже «сотрудничает» с государством, но нельзя не видеть, что правовые границы такого сотрудничества в большинстве случаев размыты или каждой стороной понимаются по-своему. Рассмотрим несколько примеров, проясняющих эту ситуацию.

2.2. Социальное служение в условиях «отделения церкви от государства»

Русская Православная Церковь, как и христианство в целом, с момента образования и до настоящего времени не отделяла свою главную миссию в миру от служения нуждающимся. Все евангельские чудеса в житейском понимании суть помощь больным, убогим, несчастным. Вся деятельность подвижников христианства – помощь ближнему, всестороннее попечение о человеке. Со времен Ярослава Мудрого русская Церковь ведала делами семьи и призрением немощных и бедных; на этом во многом и основывалось мирское почтение к Церкви, к ее делам милосердия, благотворительности и «нищелюбия». До сих пор подать милостыню считается нормой православного поведения.

В Московской Патриархии в 1991 г. создан и активно работает отдел по церковной благотворительности и социальному служению на общецерковном, епархиальном, монастырском и приходском уровнях. Это – в полном смысле «отделенная от государства» деятельность, направленная на поддержку граждан этого же государства: беженцев и жертв чрезвычайных ситуаций, алкоголиков и наркоманов, инвалидов и беспризорных детей, бездомных и одиноких стариков. Для этого открыты столовые для бедных, приюты и богадельни, работают группы волонтеров милосердия и т. д. А с 1996 г. Церковь, в соответствии с договором, подписанным с федеральным Минсоцзащиты, привлекается и к реализации социальных программ. Особое внимание уделяется физическому и моральному здоровью русского народа, его все уменьшающимся мотивациям к продолжению рода, что я не могу назвать иначе, чем демографическим суицидом: в Москве и С.-Петербурге на одну семью в среднем приходится менее одного ребенка, а в России в целом чуть больше 1,2 ребенка, и только за счет того, что в семьях мусульман в среднем рождается 3,4 ребенка, а в действительно православных семьях – 2,8 [Код да истины 2007].

Медицина всегда была частью православной культуры; «попечение о человеческом здоровье – душевном и телесном – искони является заботой Церкви» [Основы XI.1]. «Исцеляйте больных» (Лк. 10.9) – заповедал Христос ученикам. Церковь озабочена современной коммерциализацией медицины. В «Основах» сказано: «Не отдавая предпочтения какой-либо модели организации медицинской помощи, Церковь считает, что эта помощь должна быть максимально эффективной и доступной всем членам общества, независимо от их материального достатка и социального положения, в том числе при распределении ограниченных медицинских ресурсов. Дабы такое распределение было подлинно справедливым, критерий «жизненных потребностей» должен превалировать над критерием «рыночных отношений». Врач не должен связывать степень своей ответ-

ственности за оказание медицинской помощи исключительно с материальным вознаграждением и его величиной, превращая свою профессию в источник обогащения. В то же время достойная оплата труда медицинских работников представляется важной задачей общества и государства».

В «Основах» богословски и просто здравомысленно порицаются пороки пьянства и наркомании, опять же без какого-либо отторжения страдающих этими в первую очередь душевными недугами от попечения общества и Церкви. Церковь утверждает, что «психическое заболевание не умаляет достоинства человека».

Сформулировано в «Основах» и отношение Церкви к современным проблемам биоэтики: «С древнейших времен Церковь рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех. Канонические правила приравнивают аборт к убийству... и Церковь ни при каких обстоятельствах не может дать благословение на производство аборта...» [Основы XI.1]. Только естественные ограничения объема статьи не позволяют рассмотреть примеры внимательнейшего отношения Церкви ко всем биоэтическим аспектам повседневной мирской жизни. Так, осуждая контрацептивы abortивного действия, «Основы» указывают, что «другие же средства, которые не связаны с пресечением уже зачатой жизни, к аборту ни в какой степени приравнивать нельзя» [Основы XII.1]. Деликатные рассуждения о воздержании дополняются словами апостола Павла, обращенными к христианским супругам: «Не уклоняйтесь друг от друга; разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим (1 Кор. 7.5)».

Церковь жестко оценивает политику государственного здравоохранения по «преодолению недуга бесплодия» методами, «не согласными с замыслом Творца жизни». Донорство половых клеток (не мужа), суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение Церковь «не может считать нравственными». Церковь настаивает на необходимости особого внимания к генетическому вмешательству в жизнь и здоровье человека, к возможности генетической идентификации¹⁶ и к последствиям пренатальной диагностики. Абсолютно неприемлемым признается клонирование человека, замысел которого «является несомненным вызовом самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности» [Основы XII.6].

Естественно, что Церковь не могла пройти мимо такого государственно регулируемого направления медицины, как трансплантация органов. Церковь считает, что, во-первых, органы человека не могут рассматриваться как объекты купли и продажи (допустимо только «добровольное самопожертвование»); во-вторых, только добровольным и заранее оговоренным должно быть «посмертное донорство».

«Церковь... решительно противостоит попыткам представить греховную тенденцию как «норму», а тем более как предмет гордости и пример для подра-

---

¹⁶ Указывается, в частности, что «обладание информацией о наследственной предрасположенности к тяжким заболеваниям может стать непосильным душевным грузом» [Основы XII.5].

жания. Именно поэтому Церковь осуждает всякую пропаганду гомосексуализма... Лица, пропагандирующие гомосексуальный образ жизни, не должны допускаться к преподавательской, воспитательной и иной работе среди детей и молодежи, а также занимать начальственное положение в армии и исправительных учреждениях» [Основы XII.9].

В социальном служении Церкви на ниве здравоохранения можно отметить два симптоматичных явления: формирование обществ православных врачей и подготовку православных сестер милосердия. Мнения о первом из этих явлений в медицинской среде противоречивые. Отношение же к православному сестричеству однозначно положительное, и можно привести пример Свято-Димитровского училища сестер милосердия, расположенного на территории московской городской клинической больницы № 1 им. Н.Н. Пирогова, внутри которой находится действующий храм Благоверного царевича Димитрия. Здесь – строжайшие дисциплинарные правила, обязательность посещения храма и молитвы до и после трапезы, непривычный конкурсный отбор (принимаются только православные, за предварительным собеседованием следует длительная проверка на профпригодность в больницах со значительным отсевом абитуриентов, и только после этого – вступительные экзамены). Соединение предварительно выявленной предрасположенности к работе сестрой милосердия с высоким уровнем обучения и с практикой в лучших больницах Москвы делает выпускниц (и немногих выпускников) училища ценными кадрами для любого медицинского учреждения и создает хорошую основу для продолжения медицинского образования. И если «православный врач» часто воспринимается как реклама, то сестра милосердия с крестом на косынке снова становится в России явлением привычным и желанным.

2.3. Церковь и армия

Взаимоотношения религиозных объединений с армией весьма сложны. Во-первых, армия – часть государства, и здесь вопрос об отделении становится особо острым. Во-вторых, существует неразрешимое для неправославного человека противоречие между ветхозаветной заповедью «не убий» (Исх. 20.13) и новозаветными – «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15.13) и «взявшие меч, мечем погибнут» (Мф. 26.52). Христианству чужд бессмысленный пацифизм, ведь еще в 314 г. на Арльском соборе было установлено: «отлучаются от Причастия те христиане, которые бросают оружие».

В «Основах» сказано, что «признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении поправленной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством. Православие во все времена относилось с глубочайшим почтением к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли жизнь и безопасность ближних» [Основы VIII.2], кто делал доброе дело, участвуя в войне как в нагляднейшем порождении греха. «В связи с этим, – говорится в «Основах», – Церковь имеет особое попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам. Соглашения о

сотрудничестве с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, заключенные Русской Православной Церковью, открывают большие возможности для преодоления искусственно созданных средостений, для возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения отечеству. Православные пастыри – как несущие особое послушание в войсках, так и служащие в монастырях или на приходах – призваны неукоснительно окормлять военнослужащих, заботясь об их нравственном состоянии» [Основы VIII.4]. Возможна ли такая миссия Церкви в *государственной* системе Вооруженных Сил?

Уже цитировавшийся Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливает, что военачальники не должны (с учетом требований воинских уставов) препятствовать своим подчиненным участвовать в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях (ст. 16.4). По данным социологических исследований, организованных Минобороны в 2007 г., православными назвали себя 54% военнослужащих, мусульманами – 6%, буддистами – 2% и примерно по 1% – иудеями, протестантами, католиками; безотносительными к какой-либо религии посчитали себя около трети военнослужащих. Пока существует официальное соглашение только между Минобороны России и Русской Православной Церковью. В соглашении определены конкретные направления совместной работы, в том числе патриотическое и нравственное воспитание, духовное просвещение и социальная защита военнослужащих, реализация их религиозных потребностей, восстановление культовых сооружений. При этом религиозные объединения обязуются проповедовать только «своим» и не заниматься прозелитством. По наблюдениям армейских специалистов, общение военнослужащих с духовенством повышает дисциплину, снимает остроту «неформальных отношений» и способствует психическому здоровью солдат и офицеров.

Расширяющаяся практика и признание полезности сотрудничества Церкви и армии активизировали обсуждение вопроса о статусе духовенства в воинских частях. В этом вопросе Русская Православная Церковь давно и окончательно определилась: верующие воины – это одно, а «духовенство в погонах» – совершенно другое и абсолютно неприемлемое. Как видим, представления Русской Православной Церкви о военном духовенстве отличаются от представлений западных церквей, где военный священник (капеллан) прежде всего офицер, а затем уже духовное лицо. Церковь не отвергает возможность существования института военного духовенства, но только как института именно священников, постоянно работающих с верующими той или иной военной части (сейчас таких священников около двух тысяч), но не становящихся при этом военнослужащими и не заменяющих офицеров «по воспитательной работе». Такова официальная позиция Священного Синода Русской православной Церкви, готовой при обращении к ней Министерства обороны России даже начать специальную подготовку духовенства для служения (не службы!) в нашей армии.

Летом 2006 г. была отменена отсрочка от призыва в армию для учащихся духовных учебных заведений. В феврале 2008 г. был опубликован Указ Президента РФ «Вопросы предоставления гражданам Российской Федерации отсрочки от призыва на военную службу», который ликвидировал ряд ранее существ-

вовавших отсрочек, в том числе и для священнослужителей призывного возраста. Видимо, речь идет о тех, кто рукоположен во диаконы или иереи (священники). Резкое неприятие этого Указа в среде верующих всех конфессий вполне объяснимо. Православное отношение к призыву священнослужителей на военную службу определяется, во-первых, тем, что по 83-му Апостольскому правилу «пресвитер или диакон, в воинском деле упражняющийся, подлежит извержению из священного чина»; во-вторых, невозможностью соединений правил воинской и канонической жизни (например, постов); и, в-третьих, недоумениями по поводу необходимости в крайне небольшом числе людей призывного возраста в священническом чине. Но здесь мы уже переходим в область отношений Государства и Церкви, рассмотренных в первой части этой статьи.

2.4. Церковь в «узилищах»

От тюрьмы и от сумы не зарекайся – гласит русская пословица, и в «узилищах» всех видов в начале XX в., в годы так называемых «массовых репрессий», и в наше время ежегодно было и ныне обретается около миллиона наших сограждан: цифра, ужасающая своим постоянством. Русская Православная Церковь признает, что «из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15.19) (выделено мною. – В. Л.). Большинство же преступивших закон считают виновником своих преступлений исключительно внешние обстоятельства.

Церковь не снимает с себя вины за слабость воздействия на сердца и умы людей и считает, что «задачи искоренения преступности и исправления оступившихся стоят не только перед специальными учреждениями и даже не только перед государством, но перед всем народом, а значит, и перед Церковью... Православные священнослужители и миряне призваны участвовать и в преодолении социальных причин преступности, заботясь о справедливом устройении государства и экономики, о профессиональной и жизненной реализации каждого члена общества» [Основы IX. 1–2]. Все так, но вряд ли можно считать справедливым «устройство нашего государства» – это понятие отодвинуто на задворки идеологии силы, успеха и богатства. Здесь Церковь и государство расходятся принципиально, и напоминание о том, что «христиане призваны быть законопослушными гражданами земного отечества, принимая, что всякая душа должна быть «покорна высшим властям (Рим. 13. 1)» [Основы, IX.1], все чаще выслушивается с пониманием необходимости законопослушания и одновременно со снисходительной оценкой нравственных качеств «высших властей». И поэтому каждый гражданин России более чем солидарен с заявлением Церкви о том, что она «настаивает на необходимости человеческого отношения к подозреваемым, подследственным и гражданам, уличенным в намерении нарушить закон... Им необходимо гарантировать защиту и непредвзятый суд» [Основы IX.1.2]. К последнему утверждению снисходительно-скептически отнесутся даже те, кто сам не соприкасался с нашим «непредвзятым судом».

Церковь не выносит приговора преступникам и призывает православных «отрицая грех, не отвергать грешных». «Церковь, не становясь судьей человеку, преступившему закон, призвана нести попечение о его душе. Именно поэтому

она понимает наказание не как месть, но как средство внутреннего очищения согрешившего» [Основы IX.2]. Все это могло бы казаться каким-то абсолютно оторванным от реальной жизни прекраснотушением, если бы не странное российское отношение к преступнику как к несчастному, которого можно бояться, но которому нельзя не помочь. «Желая содействовать преодолению преступности, – говорится в «Основах», – Церковь взаимодействует с правоохранительными учреждениями. Уважая труд их работников, направленный на защиту граждан и отечества от преступных посягательств, а также на исправление оступившихся... Взаимодействие Церкви и правоохранительной системы зиждется на основе церковных установлений и специальных договоренностей с руководством соответствующих ведомств» [Основы IX.4]. Как же все это происходит на практике?

В последние годы тюремное служение религиозных организаций воспринимается обществом относительно лояльно, но одновременно скептически. Православные священники регулярно посещают места заключения, беседуют с заключенными, собирают и передают им через тюремное начальство различные пожертвования, проводят богослужения, крестят и отпевают, исповедуют и причащают. В тюрьмах и «на зоне» силами самих же заключенных устраиваются часовни и комнаты для богослужений, а там, где имеются возможности, – настоящие храмы. Вероятно, один из самых известных – храм Покрова Пресвятой Богородицы при Бутырском СИЗО, возведенный в 1742 г. в центре четырех тюремных корпусов по проекту самого Михаила Казакова и неоднократно перестраивавшийся. В 1992 г. на третьем этаже был открыт храм, и первым его настоятелем стал известнейший православный священник – отец Глеб (Каледа). Сейчас в храме восстановлена алтарная часть, а «вольные» москвичи могут увидеть крест, венчающий купол. При московских тюрьмах есть еще два храма (один из них – в «Матросской тишине»), а также моленные помещения для мусульман и иудеев.

Не следует думать, что в тюрьмах опекают только оступившихся православных. Вот свидетельства двух священников [Как соблюсти закон... 2007]. «В тюрьме еврей пропадет без связи с общиной», – считает раввин Аарон Гуревич. На помощь приходит Отдел по взаимодействию с силовыми структурами Федерации еврейских общин России (ФЕОР) и с соответствующими подразделениями МЧС. «По нашим данным, – говорит Аарон Гуревич, – в российских тюрьмах на настоящий момент находится порядка тысячи людей еврейской национальности... Раньше работа сводилась к рассылке кошерной пищи к еврейским праздникам, страхованию от несчастных случаев и переписке с заключенными... сейчас я сделал акцент именно на интенсивности переписки и максимальном внимании к проблемам... Мы пытаемся координировать работу раввинов на местах и обеспечиваем их базами данных о заключенных евреях. Также работаем над тем, чтобы наши подопечные более регулярно обеспечивались медикаментами, одеждой и всем необходимым, вплоть до сигарет. В отделе также работает юрист, который оказывает заключенным и их родственникам правовую помощь. Он же составляет жалобы, если заключенного неправомерно удерживают в карцере, и прошения об условно-досрочном освобождении (УДО). Когда речь идет об УДО, заключенный подписывает определенные гарантии (обязуется посещать общинный центр или синагогу), наша религиозная

организация дает за него поручительство, мы его «ведем», трудоустраиваем, помогаем в реабилитации и делам все, чтобы он влился в общину... На заключительной стадии регистрации в Минюсте находится Благотворительный фонд по реабилитации бывших заключенных-евреев»¹⁷ (речь идет о феврале 2008 г. – В. Л.). Я думаю, что во всем этом есть нечто, позволяющее использовать тяготы заключения как повод возвращения к традиции (своего рода смысловая интерпретация притчи о «блудном сыне»). Раввин Аарон Гуревич продолжает: «Мы помогаем осужденным за преступления средней тяжести добиваться досрочного освобождения – и они... видят для себя перспективу трудоустройства, адаптации в общине. Заключенные начинают интересоваться своей религиозной традицией... Они не понимают значения слов на иврите, потому что не знают этого языка. Но при этом хотят разобраться в той системе координат, в которой находится правоверный иудей»¹⁸.

Свидетельствует баптистский пастор и координатор тюремного служения Российского Союза евангельских христиан-баптистов Сергей Даниленко: «Сегодня (тюремное служение баптистов в России началось в 1994 г. – В. Л.) во многих колониях образуются группы верующих, и администрация по возможности выделяет помещения под молитвенные комнаты, где эти группы могут собираться для совместных молитв и чтения Библии. Наше служение не ограничивается только тюрьмами и колониями. Мы также создаем центры реабилитации, куда принимаем тех граждан, которые освободились, но потеряли все полезные связи в обществе... Около семи лет мы сотрудничаем с Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН России). На сегодняшний день между Российским союзом евангельских христиан-баптистов и ФСИН подписан пятилетний проект по служению в тюрьмах и колониях. Мы посещаем колонии всех режимов: общего, строгого, особого, пожизненного содержания, детские воспитательные колонии и следственные изоляторы. В нашей практике много случаев, когда люди приходят к вере и осознанно принимают крещение в условиях заключения... мы можем показать конечный результат нашего служения – это сотни бывших преступников, которые не вернулись больше в тюрьму, ведут законопослушный образ жизни, восстановили семьи или создали новые и не представляют больше никакой опасности для общества» [Даниленко 2007].

В «Основах» названа самая действенная (с позиций Церкви) мера помощи заключенным: «Любому, кто кается в совершенном правонарушении, в качестве неперемennого условия разрешения от греха священник должен решительно предложить отказаться пред Лицом Божиим от продолжения преступной деятельности. Только таким образом человек будет побужден оставить путь безза-

---

¹⁷ Уникальный и совершенно неведомый Русской Православной Церкви опыт: хочешь, чтобы тебе помогла религиозная община, – стань ее членом, причем не формально, а по духу!

¹⁸ Результаты религиозной реабилитации, проводимой православными священниками, с недавно освободившимися единоверцами, я оцениваю гораздо скромнее. Во-первых, лишь немногие из принявших крещение в тюрьмах (зонах и т. п.) решают раз и навсегда «завязать» с криминалом; во-вторых, даже крестившись, они не переступают законы тюремного «братства» (например, в отношении к «опущенным»); и, наконец, почти все они не находят той поддержки в общине, на какую рассчитывают.

кония и вернуться к добродетельной жизни» [Основы XI.4]. И если, действительно, хотя бы один человек может благодаря этому стать другим, следует считать тюремное служение церкви и ее поддержку государства в борьбе с преступностью более чем оправданными.

2.5. Жизнь между законом и «Основами»

Общие формулировки Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и не всегда адекватно воспринимаемые нецерковными людьми положения «Основ» часто приводят к диаметрально разным *оценкам* правомочности реальных взаимоотношений светского государства и Церкви. Например, в учебном пособии для вузов читаем: «Многообразны и нарушения принципа светского характера государства. Еще в 1994 г. был подписан договор о сотрудничестве между Министерством обороны и Московской Патриархией. В результате на территории воинских частей действуют или строятся десятки православных храмов и часовен, регулярно происходят освящения знамен, техники, подводных лодок и т. п. Следует подчеркнуть, что различного рода религиозные церемонии осуществляются в условиях военной дисциплины, а не «в свободное от службы время», как это предусмотрено Федеральным законом «О статусе военнослужащих» (ст. 8). Аналогичные договоры о сотрудничестве РПЦ подписала в 1995 г. и с другими силовыми ведомствами – Федеральной погранслужбой, Федеральным агентством правительственной связи и информации, Министерством по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям. Год спустя был заключен договор о сотрудничестве между РПЦ и Министерством внутренних дел (МВД), в котором стороны оговорили намерение совместными усилиями защищать граждан от «духовной агрессии»... В том, что такое явление действительно существует, многие в РПЦ... не сомневаются, однако государственная структура, каковой является МВД, должна обеспечивать защиту граждан от правонарушений, упоминаемых в Уголовном кодексе. А в нем ни о какой «духовной агрессии» нет ни единого слова» [Стецкевич 2006, с. 276].

М.С. Стецкевичу не нравится то, что на территории воинских частей строятся «храмы и часовни», а мне не нравится то, что это не урегулировано законом. Почему возможно (по закону!) подобное строительство на территории больниц или в центре города, где церкви (мечети, синагоги) вынуждены лицезреть не только верующие разных конфессий, но и люди, не приемлющие идеи Бога? Создание религиозного объединения (группы, организации, общины, прихода) на территории воинских частей запрещается (ст. 6 закона о свободе совести), но кто сказал, что на этой территории не могут быть сооружены часовня или мечеть, особенно в тех случаях, когда военная часть находится вдали от какого-либо города?

А тем временем продолжается подписание соглашений между органами государственной власти и Церковью. Так, в начале 2008 г., «признавая значение Церкви в жизни российского общества, принимая во внимание традиции и опыт Русской Православной Церкви в области социального служения, ее возможности в деле оказания духовной помощи гражданам, а также стремясь к увеличению потенциала системы здравоохранения области через привлечение широких

слоев населения к участию в делах милосердия и благотворительности в сфере охраны здоровья», было подписано соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Свердловской области и Екатеринбургской епархией. Добровольцы из числа прихожан уральских храмов помогут обеспечить надлежащий уход за нуждающимися на дому и в стационарах. Министерство здравоохранения будет содействовать открытию новых больничных храмов, часовен, молитвенных комнат. Екатеринбургская епархия примет участие в разработке документов, принимаемых областным Минздравом по направлениям сотрудничества, которые закреплены в подписанном соглашении [Православная газета 2008]¹⁹. Отметим, что в начале 2008 г. в лечебных учреждениях Екатеринбурга, Первоуральска и других городов области уже было открыто более двух десятков храмов и молитвенных комнат; при многих больницах и домах престарелых действуют православные сестричества милосердия²⁰.

Но дело не ограничивается непосредственным взаимодействием Церкви с государственными органами здравоохранения. Еще один свежий пример [Минин 2008]. «Между Владимирским государственным университетом и епархией заключен договор, в рамках которого договаривающиеся стороны видят свою совместную цель в духовном и нравственном возрождении общества. Предусматривается сотрудничество в вопросах духовно-нравственного воспитания и образования молодежи, в осуществлении совместных программ, образовательных и издательских проектов, в совместном проведении научных конференций и в профессиональной подготовке студентов. В сотрудничестве особой страницей является помощь епархии университету в подготовке студентов по специальности «религиоведение» при кафедре философии и религиоведения ВлГУ. Блок теологических дисциплин для студентов читают представители епархии, имеющие специальное богословское и светское образование... В октябре 2007 г. получила государственную регистрацию в федеральной регистрационной службе местная православная религиозная организация – приход святых равноапостольных Кирилла и Мефодия г. Владимира. Деятельность православного прихода в его богослужебной и внебогослужебной сфере должна способствовать реализации конституционного права преподавателей и студентов на свободу совести, возможности совместного исповедания православной веры».

Возникают удивительные судебные тяжбы. Так, екатеринбургские правозащитники обратились в суд с исковым заявлением, требуя привлечь к ответственности местную епархию Русской Православной Церкви за нарушение закона о защите прав потребителей. «С нашей точки зрения, церковь – это такой же исполнитель, как, например, химчистка». Кроме того, в ходе проверки выяснили, что в храмах в нарушение этого закона отсутствует так называемый уголок потребителя с указанием перечня услуг, их вида, качества и объема, а также то, что у церковью отсутствуют вывески с «наименованием организации с указанием ее организационно-правовой формы». Верх-Исетский райсуд Екатеринбурга иск принял» [Лобовиков, Тяжлов 2008]. Беспрецедентное решение принял Киров-

²⁰ Сотрудничество областного Министерства здравоохранения и Екатеринбургской епархии началось еще в 1994 г., когда была разработана программа возрождения православной медицины.

ский районный суд города Махачкалы по иску студента юридического факультета местного Института финансов и права Расула Алиева. Учащийся вуза добился права вместо лекций в полуденное время участвовать в обязательном для мусульман пятничном намазе.

В последнее время разночтения одних и тех же положений о сути светского государства стали поводом для дискуссии о правомерности отнесения теологии к научным дисциплинам и о введении в государственных школах факультативного курса «Основы православной культуры». Своеобразную интригу в этот вопрос в июле 2007 г. внесло пресловутое «письмо десяти» к Президенту РФ, подписанное членами РАН, в том числе нобелевским лауреатом Виталием Гинзбургом, единственным вступившим в последовавшие разъяснения и дискуссии. Цитировать и пересказывать текст этого письма неудобно из-за почтения к учености «подписантов» и к их заслугам в профессионально знакомых им областях науки²¹. Письмо было продиктовано желанием донести до первого лица России неощущаемые этим лицом угрозы клерикализации страны. Запоздалым формальным поводом для этого послания, которое недоброжелатели называли «доносом десяти», стал отданный семь лет назад приказ заместителя министра образования об утверждении направления «теология» с последующим открытием кафедр и факультетов богословия в ряде государственных вузов некоторых городов. Затем приказом этого же министерства в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей был внесен стандарт по специальности «теология», разработанный при участии Свято-Тихоновского богословского института. Правда, авторы «письма десяти» должны были бы указать на то, что еще в апреле 2000 г. в газете «НГ-религии» было опубликовано письмо Патриарха Алексия II, Президента РАН Ю.С. Осипова, Президента РАО Н.Д. Никандрова и ректора МГУ В.А. Садовниченко министру образования В.М. Филиппову, где говорилось о том, что «церковь, религиозное воспитание с успехом противостоят разврату, наркомании, сектантскому зомбированию личности», обращалось внимание на то, что законодательство остается «в плену советского атеизма и атеистически понятых демократических идей» и утверждалось, что «препятствия для возможности реального христианского влияния в государственной школе» требуют пересмотра. Логическим следствием этого стали предложения о принятии стандарта «теология» и о введении в школах «религиозно ориентированных дисциплин». Думаю, что для обращения к министру образования были серьезные аргументы, в том числе мировая практика решения этих вопросов в светских государствах²².

²¹ На многочисленные логические, фактологические и иные ошибки авторов «письма десяти» обращали внимание люди, профессионально владеющие предметом, например академик РАН Ю. Пивоваров (директор ИНИОН РАН), доктор философских наук, профессор В. Шохин (зав. сектором философии религии Института философии РАН), доктор физики С. Тарасенко (сотрудник французского центра атомных исследований и член МАГАТЭ), доктор исторических наук С. Зубанова (профессор кафедры теологии и начальник Учебно-методического управления РГСУ). Все они участвовали в полемике, развернувшейся в 2007 г. на страницах журнала «Фома».

²² Например, в государственных школах Германии преподается Religionsunterricht («урок религии») отдельно для католической и лютеранской групп каждого класса, а те, кто не посещает эти *обязательные* занятия, идут на урок этики.

Почему авторы «письма десяти» вместо публичной дискуссии со своими академическими собратьями обратились с жалобой к Президенту РФ – остается загадкой. Меня более всего заинтересовала аргументация об угрозе клерикализации страны, грозящей всему и даже «инновационному развитию». Еще бы: «церковь уже внедрилась в вооруженные силы... Широко освещаются религиозные церемонии с участием высокопоставленных представителей власти и т. д. Все это примеры активной клерикализации страны». Присутствовали в «письме десяти» и обвинения в «православном шовинизме» в адрес тех, кто предлагает ввести в школах изучение «Основ православной культуры»; особенно трогателен призыв к «церковным иерархам задуматься, куда ведет такая политика: к консолидации страны или к ее развалу?» на фоне информации о том, что, например, во всех школах Чеченской Республики изучают ислам.

Авторы «письма десяти» наконец-то открыли глаза читающей публике на истинные причины упадка российского образования и отечественной науки: так, блистательно начатая космическая программа СССР была свернута из-за того, что духовенство всех конфессий не допустило дальнейшего «штурма неба»; в обществе резко упал престиж образования и снизилось его качество потому, что клерикалы заставили детей и юношество вместо школ и институтов ходить в церкви, мечети и синагоги; дипломами всех вузов торгуют переодетые монахи, и они же (а не сотрудники академических институтов) пишут и продают кандидатские и докторские диссертации; в научных институтах не найдешь молодых людей потому, что все они ушли учиться в семинарии и медресе; наиболее талантливые выпускники вузов уезжают работать в зарубежные научные центры, спасаясь от российского клерикализма; денег на развитие фундаментальной науки в России нет потому, что все они уходят на строительство храмов, мечетей и синагог; если клерикалов не остановить, то завтра во всех школах начнут учить только «Закон Божий», а вместо «настоящей науки» все станут заниматься теологией... Вот и национальная (от Гинзбурга) идея появилась: «Бей попов²³ – спасай Россию!». Между тем «письмо десяти» стало, может быть, единственным публично заявленным мнением уважаемой группы ученых, и оно высветило явный беспорядок в нашем светском государстве – беспорядок в законодательной базе отношений государства и Церкви, беспорядок в следовании закону, беспорядок в умах.

Перечень разномыслий и разногласий по поводу светскости нашего государства можно продолжать до бесконечности, и причину этого я усматриваю в том, что ситуация напоминает «немое кино»: сюжет развивается под пытающийся его оживить аккомпанемент тапера, а титры – однозначней творящегося на экране. Внешне все в порядке: государство поставило Церковь на место, отведенное ей Конституцией РФ и федеральными законами, а Церковь заявила о своих месте и роли в современной жизни в «Основах социальной концепции». Но содержательная несходимость идеологий государства и Церкви в результате, казалось бы, упорядочения их отношений не уменьшилась и лишь стала оче-

²³ «Проникающих в школы».

видной. Иногда создается впечатление, что Россия, как светское государство, просто не знает, что делать с отделенной от него религиозной жизнью людей.

Почему от государства отделены только объединения людей, связанных верой и мировоззрением – мирным и гуманным? Не общества по изучению НЛО или приверженцы «новой хронологии», не сообщества геев и лесбиянок, не преступные группировки, не сеющие разврат шоумены и проститутки, не пацифисты и глобалисты, а религиозные объединения? Почему только к ним применен этот термин – «отделение»? Можно было хоть в какой-то степени понять лидеров Французской революции, считавших католическую церковь главным оплотом королевской власти и угнетателем народа. Можно понять и то, почему в проекте уже упоминавшегося Декрета 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» первоначальная формулировка ст. 1 «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики» была заменена В.И. Лениным на слова декрета Парижской Коммуны: «Церковь отделяется от государства». Эта формула в условиях идеологической неприемлемости для большевиков любого вероисповедания, кроме веры в победу коммунизма, практически лишила все религиозные объединения страны влияния на дела государства и обеспечила полную его власть над Церковью. Говорить, что все это «было и прошло», – нельзя.

В современной светской России государство и его законы все же более снисходительны к Церкви, чем лица, произвольно трактующие эти законы, извращающие их суть и имеющие неограниченный доступ к ресурсам СМИ. Агрессивное неприятие всего предлагаемого Церковью и множества прецедентов успешного взаимодействия государства с Церковью становится нормой, а явные поругания веры (частным примером чего стали известные кощунственные и провокационные акции людей «нового искусства» в сахаровском центре) ни разу не находили адекватного ответа со стороны властей. И правильно, ведь Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» запрещает оскорблять религиозные чувства граждан только «вблизи объектов религиозного почитания» (ст. 3.6). Прихоти секулярного общества диктуют законы светскому государству.

Несколько заключительных положений

Приступая весной 2008 г. к работе над этой статьей, я предполагал, что мне удастся найти следы баланса между отношением нашего государства к Церкви и представлениями Церкви о миссии христианства во благо этого государства и его народа. В конце мая 2008 г., в день окончания этой статьи, я услышал в проповеди, посвященной памяти священномучеников, клира и православных мирян, завершивших свой земной путь на Бутовском полигоне, слова: «пока репрессий нет». Еще первым христианам было сказано «...Возложат на вас руки и будут гнать (вас), предавая в синагоги и в темницы» (Лк. 21.12). Не думаю, что этого хочет власть, но этого хочет секулярное общество, которое из всех религий, обретающихся на территории современной России, наиболее отрицательно относится к православию и к его древнейшей корневой поросли – старо-

обрядчеству. По моим оценкам, в России вызревает явление, которое я называю не клерикализмом, а «светским фундаментализмом» – не рассуждающее и агрессивное отрицание христианских ценностей [Лексин 2007а]. Уже поэтому православные осторожны и трезвы в оценках ныне демонстрируемого благо-расположения высшей власти к церковным иерархам. Это нужно учитывать, определяя, насколько светской является конституционно светская Россия.

Россия – светское государство, и это вполне отвечает желаниям и государства, и всех религиозных объединений страны обеспечить реальное невмешательство в дела друг друга. Однако «светскость» современной России прописана в ее законах таким образом, что огромный моральный, этический, культурно-исторический и социальный потенциал традиционных религий используется, в отличие от многих государств мира, в крайне малой степени, а его применение во взаимодействии с региональными и местными властями во многих случаях осуществляется на неустойчивом балансе необходимого (общественно полезного) и допустимого (законами и их атеистическими интерпретаторами).

Ригоризм атеистических трактовок отделения Церкви от государства и свободы совести препятствует истинной демократизации отношений государства с одним из самых устойчивых институтов гражданского общества – традиционно-религиозными объединениями. И нужно ли удивляться пропасти между вопросом великого христианского гуманиста нашего времени «как долго сможем мы обходиться без мировоззрения, несущего идеалы совершенствования человека?» [Швейцер 1992] и ответом руководителей федеральной целевой программы «Культура России (2001–2005 гг.)», одной из важнейших целей которой объявлено «формирование ориентации личности и социальных групп на ценности, обеспечивающие успешную модернизацию российского общества»?

Хотелось бы верить, что расхождения де-факто и де-юре в отношениях светского государства России с действующими на ее территории религиозными объединениями – элементарная «остановка в пути», которая затянулась более чем на десять лет после принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и на пять–восемь лет после обнародования концепций всех традиционных конфессий об их взаимодействии с государством и с обществом. За это время накоплена, с одной стороны, результативная и общественно полезная практика взаимодействия религиозных объединений с государственными и муниципальными структурами; а с другой – возникла масса недо-разумений по поводу легитимности такой практики. За это время при желании (!) можно было бы силами президентских, правительственных и иных государственных структур, отвечающих за организацию взаимодействий с религиозными объединениями, провести независимую экспертизу и оценку вышеуказанных практик, судебных и иных коллизий, с тем чтобы от чего-то отказаться, что-то поддержать и закрепить эти действия в соответствующих нормативных актах.

Россия не только светское, но и правовое государство, существующее в обстановке радикальных перемен, к тому же и федеральные законы, и «Основы» – не догмы. В России содержание законодательных актов постоянно пересматривается, а в заключительной части «Основ» сказано: «По мере изменения госу-

дарственной и общественной жизни, появления в этой области новых значимых для Церкви проблем основы ее социальной концепции могут развиваться и совершенствоваться». В настоящее время более четкое определение коридора и форм взаимодействия светского государства и Церкви представляется возможным потому, что радикальных антицерковников в рядах победившей на последних выборах «Единой России» не так уж много, а позитивные результаты действий всех традиционных конфессий России во всех сферах общественной жизни очевидны. Было бы весьма полезно, чтобы власть и религиозные объединения заключили соглашение о совместной подготовке новой редакции Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также нового законопроекта «Об организации взаимодействия религиозных объединений и органов государственной власти и местного самоуправления», отвечающего реалиям и, главное, перспективным направлениям жизни страны.

Литература

- Авакьян С.А.* Свобода вероисповедания как конституционно-правовой институт // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1999. № 1.
- Багдасарян В.Э.* Генезис секулярного познания: ценностно-мировоззренческая парадигма секуляризма. М.: Научный эксперт, 2007.
- Варьяс М.Ю.* Краткий курс церковного права. М.: МПРЕСС, 2001.
- Володина Н.В.* Взаимоотношения государства и религиозных объединений в современном обществе: отечественный и зарубежный опыт. М.: Академия управления МВД России, 2003.
- Государственное право Российской Федерации. Учебник. М.: Юр. лит., 1996.
- Даниленко С.* Бог прощает всех. Тюремное служение в России: опыт баптистского пастора // НГ-религии. 07.11.2007.
- Дозорцев П.Н.* Конституционно-правовые основы свободы совести в России // Российская юстиция. 1999. № 2.
- Дозорцев П.Н.* Генезис отношений государства и церкви. Историко-библиографический аспект / Под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: Манускрипт, 1998.
- Дурэм У.К.* Перспективы религиозной свободы: сравнительный анализ. М.: Ин-т религии и права, 1999.
- Как соблюсти закон в колонии? // НГ-религии. 07.11.2007.
- Код да истины. Эксперты «РГ» обсуждают роль церкви в гражданском обществе и в светском государстве // Российская газета. 07.08.2007.
- Куницын И.А.* Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М.: Православное дело, 2000.
- Лексин В.Н.* «Другие». Верующие и неверующие в повседневной жизни // Мир России. 2008. № 1.
- Лексин В.Н.* Христианские ценности и христианская цивилизация: проблемы восприятия // Христианская цивилизация; система основных ценностей. М.: Научный эксперт, 2007а.
- Лексин В.Н.* Права личности и модальность христианской этики // Русская Православная Церковь, права человека и дискуссии об общественном устройстве. М.: Научный эксперт, 2007б.

- Лобовикова О., Тяжлов И. Церковь пошла в суд из-за некачественного отпевания покойного // Коммерсант. 2008. № 58.
- Лунарев Г.П. Светское государство: теоретико-методологические основы, признаки и принципы // «Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений» / под ред. А.В. Пчелинцева. М.: Ин-т религии и права, 2002.
- Минин С. Святилище Таин приглашено в жилище знаний // Владимирские ведомости. 13.05.2008.
- Митрохин Л.Н. О принципе свободы совести // О социальной концепции русского православия / под ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2002.
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. 2000. № 8.
- О составе и количестве религиозных организаций и представительств иностранных религиозных организаций, содержащихся в реестре Министерства юстиции РФ (по состоянию на 01.01.2004) // Аналитический Вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. 2005. № 17 (237).
- Понкин И.В. Правовые основы светского государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003.
- Православная газета (Екатеринбург). 2008. № 4 (469).
- Придворов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России. М.: Юриспруденция, 2007.
- Пчелинцев А.В. Свобода религии и права верующих в современной России. М.: Юриспруденция, 2006.
- Развитие светской государственности в России: история и современность. СПб.: Санкт-Петербургская акад. МВД России, 1998.
- Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / сост. и общ. ред. А.В. Пчелинцева и В.В. Ряховского. М.: Юриспруденция, 2006.
- Синагога для деда и внука // Российская газета. 05.07.2006.
- Стецкевич М.С. Свобода совести. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 2006.
- Телушкин Д. Еврейский мир. Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999.
- Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
- Чернышева О.В., Комаров Ю.Д. Церковь в скандинавских странах. М.: Наука, 1988.
- Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992.
- «Deus Caritas Est» («Бог есть любовь»). Энциклика Верховного Понтифика Бенедикта XVI к епископам, диаконам, монашествующим и всем верующим мирянам о христианской любви. Гатчина: Изд. СЦДБ, 2006.
- Eder K. Europäische Säkularisierung – ein Sonderweg in die postsäkulare Gesellschaft? // Berliner Journal für Soziologie. 2002. Heft 3.